

ПЕТР ПРОСКУРИН

«ОТРЕЧЕНИЕ»

(роман)

«Дорогому земляку — Юрию Евгеньевичу Лодкину — с искренним уважением к Вашему мужеству и стойкости!

Здоровья Вам и счастья!

Ваш П. Проскурин. 11 ноября 1993 г.

Москва».

Из многих книг, подаренных мне Петром Лукичом Проскуриным, для своих заметок я выбрал поля именно романа «Отречение». Этот роман мне особенно дорог тем, что он был подарен чуть более месяца позже того, как по приказу пьяного Ельцина из танков был расстрелян российский парламент и Конституция РСФСР.

Не знаю, было ли замечено всеми читателями особое свойство большой, настоящей литературы — ее сходство с симфонической музыкой. Любители и знатоки музыкальной классики хорошо знают, что музыка (но не всякая музыка) способна рождать в просвещенном, впечатлительном, наделенном, может быть, и не раскрытым творческим талантом слушателе ассоциации, связанные с его собственной жизнью, с его личным восприятием явлений окружающего мира. Но это должна быть музыка очень высокого класса. Симфония превосходит по возможностям воплощения идей и образов все другие формы инструментальной музыки. В своей дневниковой книге «Музыка как судьба» великий русский композитор-патриот Георгий Васильевич Свиридов говорит не только о музыке: *«В начале XX века Искусство становится выразителем бездуховного начала (как минимум просто развлекательного)».*

Поэтому, когда и я говорю об ассоциативном воздействии музыки на наш разум, то имею в виду произведения таких великанов, как Мусоргский, Чайковский, Шостакович, Бах и Бетховен. Вспомните, какие ассоциации рождала в вашем сознании 3-я «Героическая» симфония Бетховена. Вот такая же ассоциативность заложена в литературной, даже не поэтической классике, а в великих прозаических произведениях Толстого и Достоевского. Из современных мастеров литературы я поставил бы в один ряд с ними Шолохова, Леонова, Распутина, Белова, Бондарева и, конечно же, Петра Лукича Проскурина. Сейчас его безмерный талант искусственно замалчивается лакеями тех, кто захватил власть не только в политике, но и в российской культуре. Уверен, что придет время новых прочтений книг Проскурина и многие поймут себя на мыслях, разбуженных философским словом великого писателя. При этом важно и сегодня тем, кто знаком с творчеством писателя, вновь системно освоить все великое литературное наследие, созданное Проскуриным. Я говорю об этом потому, что прошел этот путь. И отдельные фрагменты, читанные раньше, вдруг зазвучали

симфонией, написанной не нотными знаками, а славянской буквицей. И эта симфония пробудила в глубине души воспоминания и образы, каких нет на страницах произведения.

И я стал неожиданно для самого себя соавтором широкого полотна, вписывая в него пером личного восприятия страницы, которые, к сожалению, не прочтет уже в объемной матрице моей эгоистичной созидающей памяти никто, кроме меня самого...

Я не случайно ссылаюсь на системное, новое, может быть, второе или третье прочтение собраний сочинений Петра Лукича. Только при осмыслении всего созданного писателем можно осознать, что им создана симфония пережитого нами двадцатого века.

Сам Проскурин в своем первом романе «Глубокие раны» задал вопрос, на который ему пришлось отвечать всю его писательскую жизнь: «Двадцатый век... Неужели история пройдет мимо и не разберется, чего в тебе было больше: созидания или варварства, отчаяния, крови или героизма?»

И в его литературной симфонии отразились многие явления прошедшего века. Они прошли через рассказы «Цена хлеба», «На излучине», «Луна», «В дождь», «Чистая ночь», «Любовь человеческая» и многие другие; через повести «Тихий-тихий звон», «Тайга», «Черные птицы», «Весенний разлив»; через бессмертные романы «Глубокие раны», «Корни обнажаются в бурю», «Камень сердолик», «Судьба», «Имя твое», «Отречение» и последний — «Число зверя»...

Я ни в коей мере не претендую на критическое осмысление творчества Петра Лукича Проскурина. Этим занимались многие литературные критики. Среди них В. Чалмаев, В. Карпова, А. Овчаренко, А. Шагалов и многие другие. Мне пришлось по душе поиск собственных внутренних отзвуков на отдельные философские заключения великого писателя.

В первой главе романа «Отречение» мне слышались мелодии божественной любви. Нежные звуки скрипичного ансамбля заставляли трепетать сердце, они поднимались ввысь и звали за собой в небесную голубизну:

«Золотые купола храма плыли над Москвой, сияя чистотой в ясной безоблачной синеве неба, связывая дни и ночи, недели и десятилетия в одну неразнимаемую цепь. Угадывались они в любое время года, и в бесснежные зимние сумерки, и в летние душные ночи. На ступеньках вокруг храма, особенно со стороны Москвы-реки, любили сидеть не только убогие и униженные, нуждающиеся в помощи и защите. Сюда приходили и счастливые — здесь они полнее чувствовали и сильнее любили; приходили сюда приобщиться к вечности и утешиться и старики, уже готовящие себя к уходу, — истинная красота и гармония всегда были целителями страждущей души».

Это храм Христа-Спасителя в его первоначальном виде.

Я читал эти строки, и мне с некоторой долей горечи вспоминалось мое давнее, юношеское знакомство с этим московским местом, близким к Кремлю.

Была холодная зима. Мороз под тридцать градусов. Шли последние дни зимних каникул. В праздник Рождества Христова нас, ребят из брянской лесной глубинки, весь день водили по музеям, а вечером вручили билеты на посещение плавательного бассейна «Москва». Откуда нам было знать, что именно здесь стоял величественный храм, воздвигнутый в год столетия победы русского оружия и русского мужества над Наполеоном. Моя радость от возможности окунуться в теплую воду при жгучем морозе была неиссякаема. Я даже не чувствовал запаха хлорки. Над бассейном висел густой туман, который создавал термическую завесу, отбивающую от нас обжигающий холод. Вспоминая сегодня тот день и стараясь восстановить по памяти бассейновую обстановку, я почему-то думаю, что мимо меня прошли тогда незамеченными фантастические видения. Сквозь туманное марево гирляндами цветных лампочек едва-едва заметно рисовались удивительные картины: абрисы нерукотворных храмов и дворцов; набегавшие одна за другой волны света, похожие на огромные, приближенные к водной поверхности крылья сказочных творений... На какое-то время погас свет, и исчезли все эти видения. Мы оказались во мраке неожиданного ночного ада. Откуда-то раздался приглушенный звон колоколов, и высоко вверху тускло заиграло некое подобие небесного северного сияния.

Потом, много позже, когда я узнаю историю возникновения этого бассейна, я пойму, что опустившийся на нас мрак, и колокольный звон, и синие отблески были своеобразным предупреждением о неуместности нашей водной радости.

«Храм не хотел умирать совсем, слышалось гудение его немногих уцелевших и теперь потревоженных колоколов. На окрестные улицы и дворы стал высыпать народ — дети, старухи, женщины, старики. Весть уже катилась по Москве, и везде, откуда был виден храм, появлялись люди, они выходили на балконы, прилипали к окнам домов, крестились и плакали. Среди белого дня, на виду всей Москвы, на глазах народа, рушили храм, воздвигнутый во славу отцов и дедов, во славу их обильно пролитой на ратных полях крови, — это подавляло окончательно.

Чувство скорби и мрака поползло над оскорбленной и обещанной Москвой, проникая сквозь все преграды и достигнув, наконец, самих инициаторов и исполнителей этого злодейского дела, заставившего ужаснуться просвещенный мир».

В юности я, как и большинство моих сверстников, с неоправданным юмором, а иногда и с издевкой, относился к поповскому сословию. Для меня не было различия между православием и другими течениями христианства. Был такой эпизод в моей детской жизни. Из концлагеря нас с мамой выкупил владелец литовского хутора недалеко от деревни Педишки. Когда хозяин узнал о том, что я не крещеный, то стал настаивать, чтобы меня окормили в католическую веру. Мама восстала против этого, заявив, что она и мой отец, и деды и прадеды были православными, что судьбой самой предписано ее сыну стать православным. Она сумела отстоять свое убеждение и за день до своего ухода в мир иной

сказала нам с братом, чтобы крестились в русской православной церкви. Мы исполнили ее завещание. Но до этого я не задумывался всерьез над тем, как изгонялась из нашей жизни христианская православная вера. То, о чем писал Петр Лукич Проскурин в «Отречении», не было замкнуто границами Москвы. Разрушительные взрывные молнии от древней столицы ударили во все стороны, достигая самых окраинных точек, где находились свои «Кагановичи». Не обошла эта гроза стороной и брянскую землю, ее города и села. К тому времени, когда мы достигли юношеского возраста, было уже взорвано и уничтожено все, или почти все, связанное с православием. Но даже взрывы не смогли уничтожить истоки веры в душах наших родителей и предков.

В первые годы после войны мы жили в Дятькове на улице Садовой недалеко от нынешней площади Ленина. Тогда не было и самой этой площади, одетой в асфальт, не было памятника вождю мирового пролетариата, еще даже не проектировался украшенный фасадной колоннадой Дворец культуры хрустальщиков. Стояли чудом сохранившиеся домишки и единственная в Дятькове четырехэтажная громада жилого дома, именуемого «Каменный». Но вот там, где встал бывший уже горком партии, высилась большая горка кирпичных развалин. Эта горка таяла с каждым днем. На ней копошились десятки людей, которые отбирали сохранившиеся целые и полурасколотые кирпичи для кладки печей в своих послевоенных халупах. От мамы я узнал, что горка — это остатки красавицы церкви. Она поведала мне, что посмотреть на внутреннее убранство храма приезжали издалека. Здесь был единственный в мире хрустальный иконостас. Но, несмотря на это богатство, сокровищницу взорвали. Когда запасы битого кирпича иссякли и руины бывшего храма

Дятьково. Церковь. Фото начала XX века.

обезлюдели, здесь обосновалось мальчишеское братство искателей сокровищ. Не только тогда, но и сейчас бытует в Дятькове легенда о том, что от мальцовского дворца к храму был проложен подземный ход. По своей наивности

мы верили в эту легенду и принялись искать в развалах храма вход в подземелье, пытаясь докопаться до подвальных помещений. До сих пор помню осыпи битой кирпичной мелочи, штукатурки и обилия хрустального и стекольного боя. Кое-кому из искателей попадались цельные хрустальные куски. Это, как я позже понял, были фрагменты взорванного иконостаса. Пришлось сожалеть, что мы отбрасывали эти куски из-за их непригодности для чего-либо. Только один из нас предусмотрительно забрал не разбитый хрустальный квадрат, которыми, как оказалось, были на полторы сажени в высоту обложены стены храма.

Подземного хода мы не обнаружили, но, глядя на развалы битого хрусталя, уже тогда начали горевать, что изуверы взорвали рукотворное хрустальное чудо. В этой нашей мальчишеской горести мы не осознавали, что мастера-хрустальщики вкладывали свою православную душу в церковное творение, они искренне верили, что их труды и высокое стремление будут замечены Всевышним и зачтутся верующим созидателям. Осознание этого ко мне придет много позже.

Когда жители области доверили мне губернаторский пост, я помимо своих повседневных земных забот не оставил без внимания просьбы верующих. Правившие областью до меня чиновники обещали вернуть Брянской епархии храм Николы Горнего, в котором давно уже обосновался планетарий. Предшественники обещали удовлетворить просьбы, но дальше обещаний дело не сдвинулось. Необходимо было передвинуть планетарий в удобное место, создать хорошие условия для просветительской работы двум десяткам сотрудников. Мне удалось найти приемлемое решение — храм наполнился молитвенными голосами священников и верующих.

Еще более сложной задачей стало решение судьбы Белобережской пустыни. Невдалеке от поселка Белые Берега, на берегу речки Снежки, расположились остатки монастыря, который входил в десятку самых крупных монашеских обителей России. Никто не упомнит, как происходило огосударствление этого монастыря. Были уничтожены находившиеся за монастырскими стенами храмы. Даже фундаменты местные «Кагановичи» сровняли с землей. Уже в нашу бытность здесь в одном из отреставрированных корпусов располагался детский санаторий. Тринадцать бывших монашеских келий были отданы под квартиры. Мне пришлось посетить некоторые из келейных квартир. Было ясно, что людям жить дальше здесь нельзя. И санаторий нуждался в переселении. Очевидно, по Божьей воле был послан на Брянщину крупный предприниматель Гуцириев. О нем сейчас болтают разное, объявили его в международный розыск. Но явление Гуцириева на Брянщину обернулось его участием в быстром строительстве нового детского санатория. Одновременно с этим областная администрация при участии Брянского района построила современный дом для жителей монастырских келий. Теперь мы могли вернуть Белобережскую пустынь Брянской епархии. Что и было сделано.

За нашими стараниями внимательно наблюдал дятьковский благочинный —

отец Александр. Однажды он пожаловался мне, что местные городские чиновники воспротивились строительству часовни в честь иконы Божьей Матери «Неопалимая Купина» в центре города — в сквере позади Дворца культуры хрустальщиков. Он развернул передо мной эскизные чертежи задуманного строения и попросил помочь решить две проблемы: добиться отвода земли и получить необходимое количество леса. Не скрою, мне понравился проект, но я сразу вспомнил о наших мальчишеских раскопках на месте взорванной церкви, о разрушенном сказочном иконостасе. Я спросил отца Александра, а уместно ли будет нам оформить в этом творении деревянного зодчества хрустальный иконостас. После долгих обсуждений пришли к мысли, что нужно строить каменную часовню.

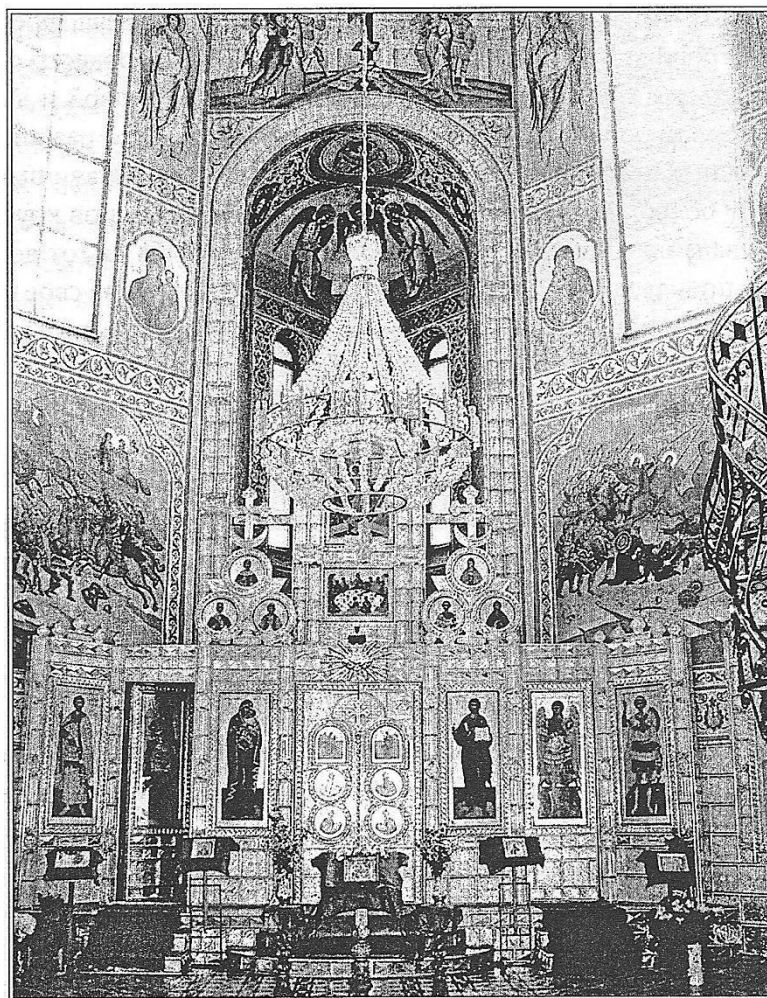
Закладка храма-памятника в честь иконы Божией Матери «Неопалимая Купина».

Позже, когда стройка уже завершалась, отец Александр с улыбкой скажет мне: «Строили мы часовенку, получился кафедральный собор». Он, конечно же, преувеличивал. До кафедрального собора этому небольшому храму было далеко.

Стройка оказалась не простой. Собранные верующими дятьковцами пожертвования были каплей в море требуемых средств. Тратить на строительство религиозных объектов бюджетные средства категорически запрещалось. По нашей просьбе отец Александр предоставил перечень основных необходимых строительных материалов. На наши просьбы откликнулись многие местные предприниматели. Были получены от спонсоров цемент, щебенка, арматура, стекло, чугунное литье, в избытке — кирпич, который стал в условиях расцветшего бартера своеобразной валютой для приобретения многих дефицитных материалов. Но были, естественно, и денежные поступления. Самыми заметными спонсорами стали: тогдашний глава города Дятькова Александр Васильевич Резунов, генеральный директор АО «Брянскоблгаз» Владимир Иванович Попков, генеральный директор ООО «Технодом» Гурдин Александр Геннадьевич, руководитель АО «Сантехлит» Ковалев Виктор Николаевич, тогдашний президент Брянского народного банка Сигаева Валентина Афанасьевна. Контроль за ходом строительства по моему поручению участливо осуществлял первый заместитель губернатора Петр Ефимович Оненко.

Параллельно со строительством шло изготовление деталей хрустального иконостаса. Директор завода Юрий Stanisлавович Городничий взял на себя ответственность за исполнение напряженного производственного графика.

Будет уместным поименно назвать главных создателей. Это мастера высочайшего класса, получившие звания художников: Евгений Анатольевич Каштанов, Юрий Александрович Иванов, Любовь Ивановна Старовойтова. В один ряд с ними по заслугам нужно поставить прессовщика Сергея Николаевича Бытина, токаря Павла Афанасьевича Соловьева, фрезеровщика Павла Петровича Гайдукова. Этот профессиональный оркестр с блеском исполнил замысел художницы Евгении Ивановны Вольновой и дизайнера Леонида Александровича Чижова. Мне довелось несколько раз видеть иконостас на разных этапах создания, в том числе, когда его детали выкладывались на полу большой мастерской. Уже тогда работа мастеров хрустальной грани вызывала восхищение, но верх восторга пришелся на тот день, когда уникальное произведение искусства встало в полный рост на свое место.

Единственный в мире хрустальный иконостас в храме-памятнике
в честь иконы Божией Матери «Неопалимая Купина» в городе Дятьково

Епископ Брянский и Севский Феофилакт освятил уникальный храм 17 сентября 2003 года, в 60-ю годовщину освобождения Брянщины от немецко-фашистских захватчиков. Врезалось в память обращение Святейшего владыки, прозвучавшее с амвона:

«В нашей с вами жизни произошло историческое событие. Оно знаменательно и памятно будет не только для тех, кто ныне присутствует в этом храме, но и для всех жителей Брянской земли, а если шире смотреть,

то и всей православной России! Сегодня ожил еще один новый созданный храм — «Неопалимая Купина», посвященный образу Божьей Матери и одновременно всем воинам православным, которые отдали свои души за наше Отечество, за наши жизни на всем историческом пути православной России и, прежде всего, Брянской земли...»

Мне было приятно слышать слова благодарности, сказанные в мой адрес. Эти слова в какой-то мере утешали меня за искупление грехов старших поколений, которые подчинились в 20-30-е годы безумию «Кагановичей». Владыко Феофилакт известил моих земляков, что Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей Второй отметил мои труды во славу Православия и Отечества орденом Русской Церкви. Но для моей души самой большой наградой было само возрождение храма с хрустальным иконостасом. Этого храма с фантастическим творением, к сожалению, не увидел Проскурин.

В одну из наших многочисленных встреч Петр Лукич, глядя на окружавшие нас заросли разнолесья, признался, что любит густые северные партизанские леса Брянщины и жалеет, что на родной его севской земле лес явился ему рощами и куртинами. И здесь же он сказал, что роман Леонида Леонова «Русский лес» — одна из его любимых книг. Смыслом этого любовного признания пронизаны многие книги самого Проскурина, в том числе и роман «Отречение». В романе нет Брянска и его известных лесных районов — Клетнянского, Жуковского, Дятьковского, Рогнединского, но в названиях и приметах описываемой местности угадываются брянские партизанские места. Областной центр — Холмск, районный — Заежск, пристанище героев романа — деревня Густищи.

Главными героями романа стали родные, полюбившегося читателям Захара Дерюгина, на старости своих бобыльских лет ушедшего работать лесником-объездчиком. Но в заключительном романе трилогии появился гонимый властями академик Обухов, выразитель нового, заботливого отношения к природе, человек, который не боится высказывать свои высокие помыслы всевластным чиновникам:

С Петром Проскуриным.

«— Экология давно уже не только модное течение, не блажь ортодоксов вроде меня... природа живой, гармонически отлаженный организм, намного сложнее любого своего творения, в том числе и нас с вами, в нем есть свои нервные узлы, определяющие жизнедеятельность огромных регионов, особенно сильно сращенные с космосом. Заежские леса — легкие

Центральной России, именно от них зависит экологическое равновесие чуть ли не всей европейской части нашего государства. Здесь располагаются зоны наивысшей биологической активности. Именно здесь начинаются крупнейшие наши реки. Если мы неосмотрительно нарушим гидрологический режим Заежского региона, начнется необратимая деградация огромной территории от Балтики до Урала. Мы просто уподобимся самоубийцам...

Заежский лесной массив расположен над юго-восточными горизонтами подземного водного бассейна, разумеется, известного нам под названием Славянского моря... Отсюда подпитываются все крупные реки европейской части России... Сей подземный бассейн уникален, контуры его границ точно не установлены, запасы пресной воды в нем равняются запасам Байкала, а может быть, и превосходят их. Последствия катастрофически непредсказуемы, если в Заежских лесах произойдет какой-нибудь сбой. Представляете? Прорвись эта ядерная гангрена в подземные горизонты, и десятки миллионов человек обречены. Страна будет обречена...»

Не на пустом месте возникли эти выводы. Очевидно, Проскурин знал о ядерных объектах в самом центре Брянского леса и, переадресовав их расположение в Заежские леса своего романа, дал академику Обухову адресную привязку его суждениям. И сопоставление с Байкалом очень любопытно. Если взглянуть на фотографию Брянских лесов, сделанную с борта космической станции «Мир», то можно увидеть удивительное сходство их контура с очертанием озера Байкал.

Но если собрать из разных произведений воедино все фрагменты проскуринской сонаты о лесе, то сознание будет отягощено мыслями не только о судьбе книжных Заежских или реальных Брянских лесов. Сознание будет разрываться вопросом о судьбе российского леса в целом. Есть все основания говорить о том, что во времена ельцинского безумия впервые за двести лет лесное хозяйство России было сброшено с воза государственных забот.

Лесное дело России пережило ряд организационных перестроек. Во главе Лесного департамента стояли известные государственных деятели и специалисты: от адмирала Осипа Михайловича Дерибаса, сенатора Николая Порфирьевича Дубенского, множества тайных и действительных статских советников при царской власти до первого советского министра лесного хозяйства РСФСР Воронова Ивана Емельяновича, получившего эту должность в 1965 году. После него хозяйствовали в российских лесах министры Болдырев П.Г., Зверев А.И., Прилепо Н.М. В 1990 году Министерство лесного хозяйства РСФСР возглавил Валерий Александрович Шубин, человек, прошедший лесными дорогами от Кислинского лесхоза Челябинской области до Москвы. Мне довелось встречаться с этим защитником российских лесов и в Брянске, и в Москве. Но в 1991 году Ельцин ликвидирует Министерство лесного хозяйства,

по его распоряжению организуется Комитет по лесу Министерства экологии РСФСР, а через год руководство лесами России становится заурядной службой. В это самое время федеральную дорожную службу возглавляет один из способнейших разрушителей ответственного дела В.Г. Артюхов. Тогдашние руководители регионов знают, что по вине этого деятеля было изменено и в несколько раз уменьшено финансирование дорожного хозяйства. Именно при Артюхове в один узел связались две российские беды — дураки и дороги. Пройдет несколько лет, когда в федеральной дорожной службе уже разрушать будет нечего, Ельцин поручит титулованному разбойнику руководство Министерством природных ресурсов. Но прежде чем под руку Артюхова в этом ведомстве попадет лесное хозяйство, страна торжественно в июне 1998 года отметит 200-летие создания в России Лесного департамента. Этой круглой дате был посвящен Четвертый Всероссийский съезд лесничих. Горжусь тем, что был делегатом этого съезда и выступал на нем. Но радость моя и гордость были преждевременны. Вскоре руководство проблемами леса было отдано артюховскому ведомству. Вот тут-то и начались настоящие беды русского леса, которые продолжаются и ныне. Артюхов затеял новую перестройку, и в ней главным звеном стало отделение лесозаготовки от лесовосстановления. Это был крах всего лесного комплекса. Были развалены лесхозы и леспромхозы, уничтожена служба лесной охраны, появилось бесчисленное множество лесозаготовителей-рвачей, для которых ничего не значили законы, кто мог и до сих пор может валить лес без разрешительного порубочного билета. Под свал пошли придорожные сосновые боры, заповедные дубовые рощи...

Вместе с губернатором из Великого Новгорода Михаилом Прусаком мы громко роптали в Совете Федерации и на заседаниях Государственного Совета. Нам было ясно, что необходимо отстранить Артюхова не только от лесного хозяйства, но и от всех природных ресурсов. Мы на примерах убедительно доказывали, что самая крупная лесная держава не может жить без Министерства лесного хозяйства. Но наши выступления и требования, даже поддержанные руководителями многих регионов, были криком, которого не хотел слышать глухонемой Кремль.

Бумаг по наведению порядка в лесном хозяйстве исписано множество. Но воз и ныне застрял в русской беспутнице. Совсем недавно я, уже удалившись от губернаторства, вынужден был испытать последнюю меру и написал письмо президенту.

Уважаемый Владимир Владимирович!

Очень богатое различными природными ресурсами наше Отечество черпает их безмерными дозами, отправляя большую часть за пределы страны. На разных уровнях уже неоднократно говорилось, что нынешнему поколению нужно знать меру: нефтяные, газовые и другие богатства недр, добытые людьми, природа не в состоянии восстановить. В нашем народе бытует мнение, что нынешнее поколение тратит то, что по праву

принадлежит будущим поколениям. По сути дела, уважаемый Владимир Владимирович, мы грабим своих внуков и правнуков. Так дальше продолжаться не может.

К сожалению, остается нерешенным вопрос о разумном распоряжении лесными богатствами. Лес в нашей стране занимает территорию, которая простирается почти на один миллиард двести миллионов гектаров. Ученые лесоводы подсчитали, что общие запасы древесины в нашей стране свыше 80 миллиардов кубометров с ежегодным приростом, превышающим 822 миллиона кубометров. Ни одно государство мира не может и близко сравниться с этим гигантским лесным богатством России.

Надеюсь, Вы знаете, что наши ученые, начиная с М.В. Ломоносова, и цари — от Петра I проявляли искреннюю заботу о рациональном использовании и приумножении лесных богатств. В июне 1998 года мы отметили 200-летие российского Лесного департамента, который в советское время обрел статус министерства. Прошел посвященный юбилею съезд наших лесничих, а через некоторое время Министерство было преобразовано в незавидную безвластную конторку. После этого начались большие беды русского леса. Были разрушены лесхозы и леспромхозы, сведена почти на нет лесная охрана, некому заботиться о полномасштабном восстановлении вырубаемых лесных богатств. Кстати, лесные богатства по сравнению с другими неисчерпаемы, если к их использованию подходить по-государственному.

ВЫЙТИ ИЗ КРИТИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ, В КОТОРОЕ ВАЖНЕЙШАЯ ОТРАСЛЬ ЗАВЕДЕНА ВАШИМ ПРЕДШЕСТВЕННИКОМ, МОЖНО ТОЛЬКО ВОССТАНОВИВ МИНИСТЕРСТВО ЛЕСНОГО ХОЗЯЙСТВА РОССИИ.

Я понимаю, что данный вопрос может быть решен только при всестороннем его рассмотрении, возможно даже на Государственном Совете. ОБ ЭТОМ Я И ПРОШУ ВАС!

Юрий Лодкин.

Прошли годы после отправки этого «плача Ярославны», но никакая московская кукушка не принесла президентского ответа. Печально!

Петра Лукича, меня и многие тысячи детей и подростков — наших сверстников народная молва точно окрестила «детьми войны». Но разница в возрасте моем и Проскурина для детских лет была значительной — 10 лет. Он родился в 1928 году в деревне Косицы нынешнего Севского района Брянской области. Я — на севере Брянщины за три с половиной года до начала опустошительной войны, которая шрамами легла на наши судьбы. Могу сказать, что мы оба в полной мере испытали холод, и голод, и издевательства фашистской своры. Разница была лишь в том, что изуверы забросили всю нашу большую семью в фашистский концлагерь в литовский Алитус. Семейю Проскурина эта беда миновала.

И в годы еще не отгремевшей войны, живя в землянках, «дети войны» жили мыслями об этой войне, о ее героях. Еще не научившись читать, мы заслушивались живыми рассказами вернувшихся с войны инвалидов-фронтовиков. И всякий раз, восхищаясь подвигами солдат, офицеров, партизан и подпольщиков, спрашивали себя: «А я вот так смог бы?»

Задавал ли этот вопрос себе Петр Проскурин? Уверен — задавал и задавал многократно. И тогда, в своем детстве, в юности, в молодости и взрослой, уже творческой жизни он был Человеком с неподкупной совестью, олицетворением русского мужества и патриотизма. В связи с этим я на поля романа «Отречение» должен перенести в качестве заметок пересказ эпизода из рассказа «Любовь человеческая».

В одном полку служат комиссар и его сын, рядовой боец Колька. Они вдвоем выходят из вражеского окружения. И комиссар отдает на сохранение сыну полковое знамя. Так случилось, что отца схватили фашисты и сын наблюдает со стороны за вражескими истязаниями над отцом. Он готов ринуться в схватку с врагами, но отец, даже не глядя в его сторону, громким голосом останавливает его, будто рассуждая вслух в окружении вражеской своры, он напоминает сыну о том, что тот обязан спасти Знамя. Слово «знамя» он выдохнул из себя приказным криком. И у Кольки «шелк знамени под гимнастеркой начинает накаляться». Сын выполнил последнюю волю своего отца-комиссара, вынес красное полотнище на позиции наших войск.

Я думаю, что этот рассказ Проскурина нужно прочесть, нет, даже не прочесть, а прочувствовать душой и сердцем, чтобы понять подлость тех, кто решил внести предательские изменения в Знамя Победы.

В одну из встреч с Проскуриным мы увидели на улицах Брянска несколько автомобилей такси, за лобовыми стеклами которых торчали флажки с триколором — нынешним российским флагом. Петр Лукич остановился и сказал мне, что этот флаг не могут терпеть брянцы — участники войны.

— Это издевательство над русским народом, — сказал он. — Сделать государственным символом старый флаг русского торгового флота. Россия — торговое государство? У водителей этих автомобилей, наверное, в семье были отцы и деды, которые погибли от пуль власовцев, воевавших против своей Отчизны под этим триколором. Да и у нас на Брянщине — в Брасове под красно-бело-голубым флагом создавалась и воевала с партизанами предательская дивизия Каминского... В 1945 году на Параде Победы власовское знамя вместе с фашистскими стягами было брошено к подножию Мавзолея.

Петр Лукич Проскурин присягал Красному знамени, когда его призвали на срочную воинскую службу. А после демобилизации он завербовался в поисках своей судьбы на работу в дальних российских краях. Он работает на лесоповале, сплавщиком леса, плотником, шофером. Для него это время стало школой познания жизни. Он стал свидетелем столкновения человеческих характеров,

проявления различных типов психологии, он постигает на конкретных фактах то, что знал в ином изображении по историческим учебникам. Идет накопление жизненного материала, который ляжет впоследствии в его рассказы, повести и романы, в том числе и в роман «Отречение»:

«Кладбище располагалось недалеко за поселком, на пологом песчаном косогоре, в самом начале тридцатых годов отвоеванном у тайги первой, самой густой волной ссыльных крестьян из срединных областей России, всех поголовно, от грудных младенцев до дряхлых стариков, устрашающе поименованных кулаками, заклеянных этим тавром на всю остальную жизнь и обреченных, следовательно, на самые изнурительные каторжные работы во имя процветания государства. Здесь, за этой чертой отвержения и беззакония, кончалось всякое человеческое право и начиналась участь раба; с человеком могли сделать все, его могли не только физически уничтожить по малейшей прихоти поставленных над ним многочисленных надсмотрщиков самых различных рангов, но любой, кому было не лень, из стоявших над ним, мог довести его до состояния забитой, безответной скотины. Первая волна ссыльных почти поголовно легла в песчаный косогор, после нее остались щелистые бараки, землянки, похожие на звериные норы, с никогда не выветривающимся запахом нечистот и добротная, из неохватных бревен комендатура...»

Я читал эти строки, и мне вспоминался Пристанционный поселок на Северном Урале вблизи от старинного города Верхотурье. Мы по воле судьбы прожили там три послевоенных года. Из бесед мамы с уральскими старожилками я узнал, что вдоль реки Туры, по ее правому берегу, разбросаны десятки кулацких поселений. Маму особенно интересовало поселение под номером 17. Много позже, когда я стал взрослым, то спросил маму об этом интересе, и только тогда мне открылась трагедия материнской семьи.

Семья моего деда Василия обитала в деревне Приютино Жуковского района. Из множества Елисеевых, проживавших здесь, дед Василий считался самым благополучным. Он удивлял односельчан своей работоспособностью и настырностью. Мог за десятки километров съездить за породистой свиноматкой или за высокоурожайными семенами, на своем земельном наделе прилежно исполнял трехпольный севооборот. Его дом отличался добротным содержанием, городской чистотой и множеством разнообразных цветов.

Октябрьская революция не изменила уклада жизни дедовской семьи. Да и не могло быть по-другому: он никогда не привлекал на помощь бедных крестьян, помогал беднякам, чем мог, и обходился даже в трудных уборочных работах силами своей семьи. Ко времени периода массового раскулачивания дедовская семья поредела: уехали на отход в города сыновья Михаил и Сергей, вышли замуж дочери Агриппина, Ксения, Анна, Марфа, Дарья. Осталась с родителями только младшая дочь — подросток Вера, которой было суждено стать моей матерью.

— После уменьшения нашей семьи отцу и матери стало трудно управляться с хозяйством. Помогали старшие сестры, жившие в близких деревнях. Но вот наступила пора раскулачивания. К нам не было претензий, но комитету бедноты приглянулся наш дом, и они включили нашего отца, а с ним мать и меня в число кулаков.

Мать, рассказывая об этой трагедии, не скрывала слез.

— Комбедовцы ввалились в горницу, объявили о раскулачивании, дали полчаса на сборы. Велели взять с собой харчей дней на семь, теплую одежонку и, если есть, валенки.

Через полчаса подъехала телега, и, погрузившись, мы тронулись в сторону Жуковки. На железнодорожной станции стоял товарный состав. Нас запихнули вместе с односельчанами в один из вагонов, в который было брошено несколько охапок соломы.

Двери закрылись, и примерно часа через два мы затряслись по рельсам в неизвестном направлении. Ехали с остановками две недели. Иногда на пятерых переселенцев в приоткрытую дверь просовывали буханку хлеба.

На двадцатый день эшелон встал в лесном тупике, и нам приказали выйти из вагонов. По узкой лесной дорожке мы шли почти трое суток. Две ночи провели прямо в лесу. К третьему вечеру пришли на поляну около речки с желтой мутной водой. Потом мы узнаем, что эта желтизна оттого, что выше по течению старатели моют золото.

На поляне стояло несколько сбитых из жердей бараков. Один из них был свободен. Его приготовили для нас. Мы тесно уместились на барачных нарах. Утром нас подняли по команде. Подъехала армейская кухня с бурачной бурдой. Мы были рады этому подарку. Впервые за три недели похлебали горячего. А после завтрака — на лесоразработки. Мужики, что были покрепче, валили кедрач, пихты и лиственницы, старики и малолетние обрубали сучья и стаскивали их в кучи, которые зажигали на ночь.

Так для меня эта каторга продолжалась несколько месяцев. Я уже еле таскала ноги. Отцу каким-то образом удалось передать на родину, в город Бытошь (тогда Дятково именовалось поселком, а Бытошь городом), нашему зятю, женатому на тете Даше, Георгию Константиновичу просительную записку, чтобы он освободил меня из таежной ссылки. Жорж, как мы его звали в семье, был активным комсомольцем и авторитетным, несмотря на относительную молодость, человеком. Он, как потом выяснилось, даже съездил в Брянск, добиваясь освобождения нашей семьи. Но удалось получить пропускное свидетельство только на меня. Жорж очень переживал, что не добился освобождения своего тестя и тещи. Но за мной он приехал сам. Переночевал в бараке, и на следующее утро я простилась с отцом и мамой, простилась, как оказалось, навсегда.

Там в тайге за Уралом они похоронены безвестно, как и многие тысячи других жертв сталинского раскулачивания...

В романе «Отречение» множество эпизодов, в которых показаны Сталин и его ближайшее окружение. Советскому вождю откровенно высказывает свое мнение его жена Надежда Аллилуева, которую непонимание великого грузина привело к самоубийству. Но вот Сталин приказал привезти в Москву, в свой кабинет, политзаключенного Никитина. Разговор получился тяжелым. Никитин не сдерживался в своих определениях:

«— Большевики возвели провокацию и даже прямое предательство в основу своей политики... Вспомните расстрел десятков тысяч офицеров в Петрограде и в Крыму. По сути дела, обыкновенные мальчишки... Они поверили и пришли к вам, и что вы с ними сделали? А русские крестьяне? Вы тоже якобы отдали им землю, а затем пропустили через мясорубку продразверстки и военного коммунизма и, наконец, окончательно разорили и обрекли на вымирание. А санкционированное вашей партией истребление казачества? А зверская расправа с царской семьей? Убивать невинных детей! Простите, это даже не варварство, какое-то ритуальное мракобесие! После Тютчева, Толстого, Достоевского этот фанатический мрак, хлебная монополия, апологетика принудительного труда, запрет на мысль и свободу... У вашей партии при таких методах нет будущего. Я уверен, наступит час, и она предаст и тех, кто ее сейчас отчаянно защищает, предаст своих — такова логика предательства...»

Сталину еще предстояло столкнуться с массовым предательством в годы войны, с предательством, которое удалось задушить. Но он не мог предположить, что чуть больше пятидесяти лет спустя после Великой Победы его кремлевские наследники полностью оправдают пророческие предсказания политического арестанта Никитина. Зараза предательства, словно чума, расползется по разрушенной стране и найдет своих сторонников в самых глубоких уголках страны. Не мог предвидеть Сталин прихода к власти американо-германского холуя Горбачева, не мог предположить, что Кремль из-за близорукости высокопоставленных партийцев захватит шайка почти всегда хмельного Бориса Ельцина. И тот и другой предавали всех без разбора, а Ельцин повторил в октябре 1993 года ранний расстрельный опыт.

Я с горечью вспоминаю «большевиков» из Брянского обкома партии. Из руководящих работников единицы сохранили свою партийность. Но самую удивительно предательскую позицию заняли главные коммунистические идеологи — секретарь обкома по идеологии М.К. Погодин и его правая рука — заведующий отделом пропаганды агитации М.А. Подобедов. Оба восстановились в КПРФ, как только для жизни Погодину не понадобилась партийность, он убежал из партии. Особо хочу сказать об оригинальном политическом чуде — Подобедове. Мне пришлось в обкоме партии выслушивать назидательные лекции от этого деятеля. Он учил не только меня, но и других, как нужно жить по Ленину, он боготворил социалистический образ жизни и социалистическую экономику. Он полной ложкой хлебал из

коммунистического партийного корыта. А когда это корыто опрокинулось, то он торопливо перебежал в антикоммунистическую буржуазную партию «Единая Россия». Не промахнулся. Стал главным проповедником буржуазных, антикоммунистических идей на Брянщине. Его по достоинству оценили и сделали заместителем председателя Брянской областной Думы.

Вообще-то в поведении разного рода политиков в последнее время возникают парадоксальные ситуации. Тот же Подобедов преклонялся перед Ельциным, теперь подобострастно хвалит Путина. Может быть, по сравнению с предшественником и есть основания сказать доброе слово о Владимире Владимировиче. Но если уж ты взял его за образец для собственного поведения и собственных поступков, то будь последователен до конца, Путин заявил публично, что он состоял только в одной партии — КПСС и у него нет оснований вступать в другую. А вскоре это было подтверждено другим поступком: он дал согласие возглавить избирательный список единороссов, но без вступления в партию Грызлова. Казалось бы, и его почитатели, в том числе и бывший брянский коммунистический идеолог, должны задуматься о правомерности своих партийных перебежек. Нам известны активисты партии «Наш дом Россия». Но стоило этой партийке полететь в тартарары, ее столичные вожди и региональные активисты засуетились, стали искать место, к которому можно приткнуться. И при этой трясучке политические крыски не удосужились даже сверить свои политические взгляды с уставными и программными положениями нового политического ада. Выполняя команду свыше о немедленном расширении партийных рядов, региональные вождишки стали запугивать чиновников разного рода увольнением с работы, если они не вступят в «Единую Россию». Раздавались и раздаются угрозы и призывы такого же рода в адрес учителей, врачей и даже предпринимателей. Мне довелось видеть возмущение такой позорной политикой тех, кого принято называть демократами первой волны. И, наверное, кому-то из сегодняшних «Никитиных» можно с полным правом повторить те слова, которые в «Отречении» выслушал Сталин: «У вашей партии при таких методах нет будущего».

Приведу короткое суждение о Сталине одного из «героев» «Отречения»:

«— Какая же у тебя чушь в голове!.. Нашел, о чем думать и кого вспоминать! Сталин! Тридцать седьмой год, репрессии... Кому это сейчас нужно и интересно? Ну, было, все было. Сталин был, несомненно, деспотом и тираном, но не он первый, не он последний. У деятелей такого размера иные нравственные нормы, они не подпадают под обычные представления».

Сегодня в России при оценках деятельности Сталина бытуют противоположные мнения. С одной стороны — предвоенные репрессии, с другой — мощный шаг страны из захудалого полукрепостничества, нищеты и безграмотности на передовые позиции в мире. Вот этого последнего не берутся

отрицать и новые борцы с социалистическими завоеваниями. Казалось бы, мне, одному из многочисленных внуков сосланного за Урал крестьянина-труженика, нужно всеми способами клеймить узурпатора. Но не могу делать этого. При Сталине не рылись старики и старухи в мусорных баках, молодежь не покупала в «секонд-хендах» американские обноски, не платили студенты за образование, бесплатной была медицинская помощь. Сегодня дети из низших слоев общества не могут поступить и бесплатно обучаться в вузах...

— А при Сталине и его последователях? — спросите вы.

При Советской власти мы с братом, оставшиеся без отца, который погиб в 34 года, при матери, работавшей уборщицей и истопницей, закончили техникумы, а затем получили высшее образование. Чей ребенок из рабочей и крестьянской среды может сегодня учиться в столичном институте, если в день на питание ему требуется самое меньшее триста рублей? Это в день, а в месяц — 9 (девять) тысяч рублей. Только на питание!

В той фразе из «Отречения», которая приведена выше, есть, на мой взгляд, пророческие слова. Повторю: **«Сталин был, несомненно, деспотом и тираном, но не он первый, НЕ ОН ПОСЛЕДНИЙ (выделено мной. — Ю.Л.).**

НЕ ОН ПОСЛЕДНИЙ! Мне казалось, что время деспотической власти в России полностью исчерпано. Наступило время демократии. Казалось! Но посмотрите, что происходит сегодня. Вначале был из танков безнаказанно расстрелян российский парламент, потом граждане были лишены права избирать членов Совета Федерации, следом у нас отобрали право избирать руководителей регионов, теперь лишили возможности голосовать за своего персонального депутата Государственной Думы — голосуйте за партии! И вот уже идет акция всенародного одобрения и призывов к нарушению действующей Конституции, чтобы открыть ворота для третьего срока президентства нынешнему главе государства. Примечательно, что ниспровержение демократических принципов формирования власти проходит по инициативе тех, кто гордо именовал и именуется демократами. Не ведут ли они страну к новому утверждению тирании, деспотической власти одного человека?

А что дальше? Я не берусь оценивать подлинность стремлений Путина, заявившего, что он прощается с президентством в строгом соответствии с действующей Конституцией. Но недавно на обложке одного из журналов был помещен удивительный снимок: Путин держит в руке и внимательно рассматривает шапку Мономаха. Нет, сегодня он не пытается примерить ее. А что будет завтра? Я полагаю, что он всерьез задумывается о будущем руководстве Россией, как некогда (по Проскурину) думал об этом Иосиф Виссарионович: **«...Он в сотый тысячный раз медленно, обстоятельно сортировал в голове нескончаемую колоду карт, обозначавших конкретные, определенные лица; карты располагались несколькими кругами вокруг него, и каждая имела свое место, была помечена тайным, известным только ему знаком. Он по многу раз передвигал эти карты из**

внешнего круга во внутренний и наоборот: некоторые он изучал особенно тщательно, откладывая их в сторону, вновь и вновь возвращался к ним, по-разному группируя их отдельно и вместе и вновь смешивая и рассыпая, нейтрализуя одну другой самыми парадоксальными соотношениями в зависимости от значения каждой карты; его мозг, настроенный на одну волну, без усталости просчитывал сотни вариантов».

Полагаю, что «сотни вариантов» могут просчитываться у руководителя такой необъятной страны, как наша. Можно добавить, что на эту волну мог и может быть настроен мозг человека, которого действительно одолевает беспокойство за свое государство. Господи, сколько примеров бездумного расклада кадровых карт дало нам последнее время. Вспомним, как Ельцин пропихивал в премьеры слюнтявого Егора Гайдара, автора безумной «шоковой терапии», как оказался на второй ступеньке государственной власти Кириенко, которого в народе прозвали «киндер-сюрпризом». Он преподнес России в 1998 году такой финансовый сюрприз, что мы до сих пор не можем отдышаться. Но этот сюрприз, сделавший нищими большинство российских граждан, наделил миллиардами узкую группу лиц. За этот подвиг Кириенко уже Владимиром Путиным удостоен права руководить атомной энергетикой. Но это не единственная черная, крапленая нынешним президентом карта. Вспомним битву пенсионеров с «королем» здравоохранения Зурабовым, не забудем утвердившуюся семейственность в новом российском правительстве, вспомним, как вся страна была повержена в шок, когда Путин рекомендовал в чукотские губернаторы ельцинского финансиста, владельца английского футбольного клуба, хозяина яхт и пароходов Абрамовича. Можно предположить, что расклад карт Сталин не доверял никому. А у Путина этим делом занимаются особо доверенные лица. Один из них, кого даже за кремлевскими стенами именуют красавчиком. Этот красавчик — владелец кремлевского кабинета Владислав Сурков. Он, несомненно, умелый игрок с карточной кадровой колодой. Но у меня сложилось мнение, что красавчик имеет серьезный изъян, который почему-то до сих пор не замечен нынешним президентом. Сурков внушил президентскому окружению и журналистам ошибочное мнение, что он умеет держать слово. Мне даже говорили, что если Сурков скажет «да», то будет «да». Я спросил у Владислава Суркова, будет ли Кремль вмешиваться в предстоящую кампанию по выборам губернатора Брянской области. Сурков ответил однозначно: «Нет!». Но я напрасно поверил его заверениям. Когда до выборов оставалось чуть больше месяца, Сурков позвонил мне и предупредил, если я буду критиковать Закон «О монетизации льгот пенсионерам», то мне не быть губернатором. Мне уже тогда была ясна пагубность этого грабительского закона, и я сказал, что не могу это обойти молчанием. После этого краткого разговора против меня была развернута настоящая судебная война. Ложь стала оружием моих соперников, которыми, очевидно, руководил «кремлевский красавчик».

В своих книгах Петр Лукич в разных формах утверждает необходимость

торжества правдолюбия. И в «Отречении» он не обошел стороной этой своей писательской позиции: **«...Главное для каждого в одном — умении видеть и говорить правду. Правды боится или человек с нечистой совестью, или просто трус».** Сколько их, людей с приглушенной совестью и развившейся трусливостью, выявило и взрастило наше горькое время. Отсутствие совести и торжество трусости породило целый пласт деятелей, которым нет дела до общества, до окружающих, нет дела до судеб России. В их понимании все должно быть подчинено обеспечению их счастливого прозябания на этой земле. Как и в «Отречении», сегодня сошлись в схватке русские люди, которые с болью в сердце переживают происходящее, и другие, которые вслух рассуждают, как один из второстепенных героев романа Яков Семенович Козловский:

«...Проскальзывает в ваших писаниях какая-то Русь, Россия... Забудьте об этой химере, не обманывайтесь сами и не вводите в заблуждение других. Россия давно пала жертвой чудовищного эксперимента. И уже едва ли воскреснет. Я мог бы привести тому сотни подтверждений, но я уверен, что вы и сами додумаетесь до многого... Да это, в конце концов, не важно, Россия или что-то еще... Ничего вечного нет».

И в этих спорах оппонентом выступает сам Петр Проскурин. Когда мы отмечали 70-летие писателя, то небольшим тиражом, всего лишь в 1000 экземпляров, выпустили миниатюрный поэтический сборник Проскурина «Зов вершин». В нем поэтические разделы перебиваются автобиографическими признаниями писателя:

«Можно многое из своего прошлого забыть, человеческая память рациональна, но есть особая память, передающаяся от отца к сыну, от деда к внуку в течение нескончаемого ряда поколений, она живет в человеке с момента его появления до последнего дыхания, я бы сказал, что это и есть память родной земли, складывающаяся веками и тысячелетиями».

Завершает сборник стихотворение «Пророчество» как некий символ поэтического видения Петром Лукичом судьбы Отечества:

**Вновь цепи времени разорваны
У роковой, седьмой версты,
И вновь над Русью стонут вороны,
Пластаясь в черные кресты.
Дитя во сне о счастье молится —
Да придет царствие твое...
А Русь уж за земной околицей —
Спешит в иное бытие.
И безымянный подвиг страждущих
Возносит ввысь ее престол —
И вновь в сердцах, прощенья жаждущих,
Ее пророческий глагол.**

Пророческим оказалось слово самого Проскурина. На его памятном юбилейном

вечере, прошедшем в Брянском областном драматическом театре, Петр Лукич прочел одно из своих лучших душевных стихотворений «Молитва». Он, казалось, чувствовал, что пройдет совсем немного времени и он вернется из Москвы в Брянск, в этот же самый драматический театр, чтобы проститься со своими родными земляками:

**Успокой меня, матушка, упокой,
Проводи за родимый порог,
И своею молитвой укрой
На скрещении дальних дорог.
Тихо дремлет во сне зерно,
И лишь грянет весной гроза,
Даже камень пробьет оно
В устремлении к небесам —
Под свои дожди и ветра,
Под свою любовь и беду.
Говорят, что опасен путь
С гордо поднятой головой,
Но ведь каждый должен взглянуть
Хоть однажды вдаль за собой,
Хоть однажды душу обжечь,
Прикоснувшись к святому огню,
Ощутить в руке своей меч,
Как любовь и долю свою...
Упокой меня, матушка, упокой,
Проводи за родимый порог,
Материнской молитвой укрой
Средь бушующих гроз и дорог.**

Перед уходом в мир иной он сказал, чтобы его погребли в тысячелетнем Брянске. Этим пожеланием он отказался от места на Новодевичьем кладбище среди могил прославленных деятелей культуры, руководителей государства, маршалов, генералов и космонавтов. Его похоронили на центральном погосте Брянска, рядом с братской могилой советских солдат и офицеров, погибших при освобождении области от немецко-фашистских захватчиков. Через год после похорон над могилой встал в полный рост Петр Лукича Проскурин, вырубленный из гранита. На митинге, посвященном открытию монументального надгробия, позволили выступить и мне. Свое обращение к гениальному писателю я записал в качестве заключительных заметок на полях «Отречения»:

«Дорогой Петр Лукич! Вот ты и снова встал, опираясь на родную землю. Дорога сюда пролегла через ступени твоей «Судьбы», через «Имя твое», через «Отречение», через многие рассказы, повести, романы, и стихи. Твои

герои, как и ты сам, прошли через кровавую мешанину 30-х годов и вошли в горечь предательства и изуверства нынешнего времени. Ты всегда правильно презирал высокопоставленных чиновников, целью жизни которых были деньги, деньги и деньги. Ты презирал тех, кого не интересовала литература, музыка и изобразительное искусство, тех, кто твои глубокие и широкие устремления пытался втиснуть в убогий ящичек своих ублюдочных представлений о человеческой сердечности и душевности. Но я искренне верю, что время бездушных циников и обдирал пройдет. Умножится интерес людей к творчеству русских гениев, к твоему неувядающему творчеству, дорогой Петр Лукич. Роман «Имя твое» ты завершил именем Николая Дерюгина:

«...Николая Дерюгина уже не было, потому что он уже навсегда слился с неизмеримыми пространствами космоса, на земле еще никто ничего не знал, окутанная бодрой весенней дымкой земля встречала рассвет нового дня».

Мы, дорогой Петр Лукич, как и ты при жизни, живем ожиданием нового благодатного дня».

* * *

О Пресвятая Дево Мати Господа, царице Небесе и земли! Вонми многоболезненному воздыханию душ наших, призри с высоты святыя Твоея на нас, с верою и любовью поклоняющихся пречистому образу Твоему. Се бо грехами погружаеми и скорбьми обуреваемии, взирающе на Твой образ, яко живей Ти сущей с нами, приносим смиренныя моления наша, не имамы бо ни иныя помощи, ни инаго предстательства, ни утешения, токмо Тебе, о Мати всех скорбящих и обремененных. Помози нам немощным, утоли скорбь нашу, настави на путь правый нас, заблуждающих, уврачуй и спаси безнадежных, даруй нам прочее время живота нашего в мире и тишине проводить, подаждь христианскую кончину, и на Страшном Суде Сына Твоего явися нам милосердная Заступница, да всегда поем, величавим и славим Тя, яко благую Заступницу рода христианского, со всеми угодившими Богу. Аминь.